

нимают на веру ни одной строки и требует для каждого слова свидетеля и доказательств». Далее следовало поучение, уже собственно связанное с критикой текста: Татищев, собрав чтения из разных рукописей, не указывая, из какой он каждое берет, избирал одно из них, умалчивая о других, которые казались ему, возможно, менее понятными, но именно поэтому и более правильными, чем избранное им.¹⁹

Совсем иначе взглянул Шлёцер на содержание и значение первой части «Истории Российской». Выше упоминалось о характере ее источников. Значительное количество памятников, послуживших Татищеву для написания первой части, было напечатано на языках, которые были незнакомы Татищеву. Шлёцер слегка пронизывает, что Татищев «вдруг заблудился», решив потратить большие деньги и поручить необходимые ему переводы лицам, «немного знавшим латынь». Таким образом в первой части получилась «бестолковая смесь сарматов, скифов, амазонок, вандалов и т. д.». Первую часть «Истории» Шлёцер считал поэтому «ни к чему не пригодной».²⁰

Татищев писал свою «Историю», не имея перед собой ни одной изданной летописи, ни одного издания актового материала. Не имел он перед собой, помимо разве трудов Байера, и ни одного научно-исторического исследования. Везде он был первооткрывателем неизведанного прошлого своего отечества. Вторая половина XVIII в. была ознаменована многими изданиями летописей и актов и оживленной научно-исторической деятельностью. Шлёцер изложил в своем историографическом очерке, предпосланном собственно исследованию «Нестора», всю появившуюся после Татищева совокупность источников и исследований. Таким образом, Шлёцер смог сопоставить татищевский труд с состоянием русской историографии к началу XIX в. Его вывод гласит, что хотя Татищев и не прошел никаких учебных занятий («gar keine Studien hatte»), не знал ни слова по-латыни и даже не понимал ни одного языка из повых, кроме немецкого, однако его труд (кроме первой части о скифах, сарматах и т. д.) всегда остается полезной работой («immer eine brauchbare Arbeit»). В одновременно изданной автобиографии Шлёцер говорит об «Истории» Татищева как о труде, «высокой цены которого нельзя было не признать».²¹

Шлёцер в своей деятельности был не только историком геттингенской школы. Отношение Шлёцера к Татищеву определялось и его общественной и политической деятельностью. По наблюдениям автора особой монографии о Шлёцере как «немецком просветителе XVIII века», Шлёцер был в свое время известен как филолог, историк России и государственности лишь не-

¹⁹ Schlözer A. L. Probe russischen Annalen, S. 150.

²⁰ Ibid., S. 150—151; *Общественная и частная жизнь...*, с. 53.

²¹ *Общественная и частная жизнь...*, с. 55; *Nestor. Russische Annalen*, S. 92—93.